

Травда Запрещ 1969г.

ПРАВДА

3

ПОЭЗИЯ ГЕРОИКИ

— Х У Д О Ж Н И К И В Р Е М Я —

ПОНАБЛЮДАЙТЕ в утренние часы за москвичами, спешащими на работу. У газетных киосков они расхватывают еще пахнущие свежей краской газеты. В автобусах, на эскалаторах метро, в пригородных электричках жадно вчитываются в газетные полосы.

Вслушайтесь, о чем они говорят, и вы увидите, как в беседах на самые будничные, житейские темы неизменно входят проблемы политические, бурные события времени, вопросы войны и мира. Кругозор и интересы советских людей необычайно широки. Они обнимают поистине всю планету.

Великое чувство интернационализма с детства впитывается советским человеком, прививается ему всем строем нашей жизни. Вот почему он так близко к сердцу принимает каждое сообщение из Вьетнама, так горячо сочувствует патриотам Анголы, неграм США, всем, кто борется за социальную справедливость, за свободу и счастье народа. Вот почему он гневно клеймит всех и всяческих вдохновителей и пособников фашизма и войны, в какие бы одежды они ни рядились и как бы ни маскировались.

И не случайно именно такой герой, человек миропонимания, как называл его Горький, всегда стоял в центре советского искусства, привлекавшего к себе сердца и умы миллионов впечатляющей силой художественно-образного истолкования больших и сложных явлений действительности, кровной близостью к интересам народа.

Если мы обратимся к лучшим образцам советской драматургии, например, к произведениям Всеволода Вишневского, Николая Погодина, то увидим, что какой бы, казалось, локальный сюжет эти авторы ни избирали, они всегда выходили к широкому осмыслению эпохи, глубокому раскрытию характеров в их

тесной связи и взаимодействии с общественной средой своего времени. А когда эти художники обращались к кинематографу, они и сюда приносили свойственную им зоркость социального зрения, страстность, партийность, патриотизм, подлинную народность своего таланта.

Характер мышления такого большого художника, как Всеволод Вишневский, с которым меня связывала многолетняя творческая дружба, сказывался, в частности, и в такой запомнившейся мне детали. Не раз я заставал его вечером одного в полутьме чуть освещенной комнаты склонившимся к приемнику и напряженно слушающим голоса народов и стран. Время от времени, оторвавшись от радио, он быстро подходил к столу и торопливо набрасывал в дневнике несколько строк. И снова, склонившись к приемнику, жадно и сосредоточенно слушал. Поблескивали в полутьме его живые зоркие глаза, и, казалось, он окидывает мысленным взглядом всю свою родную землю, все страны света, стараясь проникнуть во внутреннее содержание событий, постигнуть их закономерности, взаимосвязи.

Это же горячее восприятие жизни в ее большом историко-народном размахе проявлялось и в его творчестве. Он даже начинал творить, идя к частностям от широкого обобщения явлений и характеров. Так, приступая к работе над сценарием «Мы из Кронштадта», он писал: «Я пока слушал шум, движение самих событий... Я восстанавливал для себя эпоху, слушал ее го-

лоса, прежде чем начать разбираться в голосах отдельных людей... Сюжет идет от столкновения массовых. Для меня сюжет — сама история».

Сегодня, как никогда, нам нужен в кинодраматургии такой страстный голос писателя-трибуна, мыслителя, вдохновенного художника, каким был Всеволод Вишневский.

К сожалению, наш кинематограф еще редко и робко обращается к героической тематике. Порой возникает впечатление, что жизнь персонажей того или иного фильма словно изолирована от всех социальных бурь чужей планеты. Если бы в силу каких-то фантастических причин потомкам пришлось бы судить о сегодняшних людях, круге их интересов, основных проблемах их борьбы и бытия только по таким фильмам нашего художественного кинематографа, то у них, несомненно, создалось бы весьма обедненное и даже неверное представление о нашем времени.

В самом деле, некоторые кинорежиссеры небоемерно много внимания уделяют сугубо личным темам, историям лирическим и бытовым, где не ощущается высокой цели, озабоченной повседневностью, той цели, во имя которой и должен творить художник.

А ведь из-за известной ограниченности угла зрения, недостаточной гражданственности в подходе к действительности, поверхностного взгляда на человека и мир, его окружающих, мы, художники кино, теряем аудиторию.

Не раз приходилось слышать, что героика отжила свое

время, что углубленное внимание к внутреннему миру человека выдвигает на первый план создание произведений камерного характера. Подобная позиция чуть было не привела к тому, что почти заглохла линия искусства широкого эпического звучания, столь ярко всегда характеризовавшая советский кинематограф и создавшая ему всемирную славу.

С радостью могу отметить, что ныне эта линия вновь видна в ряде произведений, что вкусовщина и модничанье преодолеваются все решительнее, освобождая дорогу подлинному разнообразию жанровых и стилевых направлений в нашем кино; что наряду с интересными, глубокими психологическими лентами стали появляться и масштабные социальные полотна.

Шедевры советского киноискусства отмечены высокой поэзией героики. Иногда она выражается открыто, как в творчестве А. Довженко, иногда же составляет как бы глубинное течение всего произведения, как, например, в «Балладе о солдате».

Однако приходится пожалеть, что в ряде картин на военную тему, созданных эпигонами, усвоившими только внешние приметы и форму удачных образцов, «модная» волна бытовизма захлестнула и утопила поэтическую сущность темы.

Я весьма далек от того, чтобы недооценивать плодотворность лирико-бытовых фильмов. Но мои вкусы давно устоялись. Для меня лично интересным представляется показ крупных социальных яв-

лений, воссоздание на экране образа времени не только через отдельных героев, но и через массы. Мне всегда хочется говорить не только для народа, но и о народе.

Наша действительность дает множество примеров массового героизма. Я снова и снова убеждался в этом во время поездки на строительство Красноярской ГЭС. Вспоминается мне и поход молодежи на целину. Масштаб событий здесь не менее важен и интересен, чем поступки и внутренняя жизнь отдельных людей. И ведь иначе, чем героической, нашу пятидесятилетнюю историю и не назовешь. Все великое, чем мы гордимся, было свершено массами, рождающимися из своей среды все новых и новых героев.

Я убежден, что героический эпос на экране сегодня не менее, чем раньше, имеет право на существование. Показателем такой факт. Осенью прошлого года я был в Париже, где демонстрировались картины — «Пролог», «Мы из Кронштадта», «Железный поток». Аудитория была весьма пестрая — и студенты, и рабочие, и интеллигенция. Все они смотрели эти фильмы с большой симпатией и интересом к нашей стране, к революционным событиям нашей истории. Наблюдая горячую реакцию зала, я думал о том, что героика всегда будет одним из живых родников эпоса, поэзии, всего искусства.

В битвах, которые ведет сейчас социалистическая идеология против духовной отравы, обильно вырабатываемой буржуазным миром, невозможно обойтись без киноискусства широкого дыхания, большого

героико-эпического размаха. Ведь и наши враги стремятся взять на вооружение романтику, прославляют героя с сильной волей, хотя цели этого «супермена» низменны и преступны.

Конечно, обращение к той или иной высокой теме само по себе еще не дает гарантий успеха. Мало того, чтобы произведение искусства было правдивым, верно отображало действительность и характеры, здесь требуется еще и страстность художника, одержимого потребностью сказать людям то, что он считает граждански необходимым, общественно важным. Партийное отношение к явлениям жизни, воплощаемым на экране, определяет не только идейную направленность произведения, но и создает его эмоциональный накал.

С первых дней Советской власти наша страна стала мощным фактором международной жизни и политики. Ее влияние на ход мировой истории огромно. Но наш художественный кинематограф слишком редко касается, скажем, темы борьбы наших дипломатов на мировой арене, недостаточно отражает усилия нашей партии и народа в деле сплочения всех прогрессивных сил мира.

Мы еще не видели, например, на экране Ильича, как создателя Коминтерна. Известно, что Ленин сам руководил многими военными операциями в годы революции и гражданской войны. Но и эта сторона его деятельности, как и гигантская работа на посту Председателя Совнаркома, еще ждет образного решения в кинематографе.

Наше героическое советское киноискусство достаточно выросло. Ему по плечу подниматься на новую ступень.

Ефим ДЗИГАН.

Народный артист РСФСР, профессор.